

ЯЛТА ПО-ПЕКИНСКИ

Александр АГЕЕВ

www.ageev.net | DOI: 10.33917/es-4.202.2025.4-5

Одной из причин форсирования августовских саммитов Дональда Трампа на Аляске — с В.В. Путиным и в Вашингтоне — с «европейско-украинской делегацией» стало 80-летие разгрома милитаристской Японии объединенными силами СССР, США и Китая. В Пекине пройдут торжества по этому случаю, куда по приглашению китайского руководства придут многочисленные иностранные гости. И это создает возможность для того, чтобы четыре-пять ведущих держав современности: Индия, Китай, Россия, США (порядок — алфавитный) попытались согласовать стратегические позиции. Евросоюз на этом торжестве если и будет, то опять в специфической роли. И этот факт, дважды повторяющийся всего за один месяц, симптоматичен: Европа пытается играть амбициозную роль в том геополитическом спектакле, где ей отведен удел жертвы.

Все достаточно прозрачно и описывается одним диагнозом: трансформация миропорядка вступила в фазу фиксации предварительных результатов. Окончательным итогом всего периода нынешней трансформации, длящегося с момента распада СССР, станет миропорядок, конструкция которого выдержит перемены следующих 20–25 лет.

В этой конструкции будут сняты противоречия текущего состояния, провоцирующие жесткое силовое противоборство между несколькими игроками, чреватое угрозой глобальной ядерной катастрофы.

Любой новый миропорядок возникает из недовольства текущим положением, из укрепившегося концепта утопии (образа) будущего и понимания путей его достижения.

Но в начале всего — недовольство тем, что есть. Это ощущение, более или менее отчетливо транслируемое заинтересованным группам и ими разделяемое, служит питательной энергией кризисов, реформ, революций, переворотов, гражданских войн и многообразных конфликтов и войн с внешним врагом. Через обострение — к новой «нормальности». Клубок недовольства у каждого свой. Одна конфигурация недовольства у Фридриха Мерца, другая — у Эммануэля Макрона, третья — у Дональда Трампа, четвертая — у Си Цзиньпина и т.д. Речь о том, что реализация жизненно важных интересов руководимых ими стран сталкивается с серьезными проблемами. Это, кстати, одна из причин вопиющих манипуляций с информацией. Для сохранения массовой политической поддержки правящих элит в Европе прежде всего требуется любой ценой удерживать заданную рамку интерпретаций. Когда это сделать невозможно, включаются румыно-сербские схемы «демократического выбора», широко опробованные по всему свету.

Недовольство, чтобы стать политической энергией, должно быть упрощено, локализовано и персонализировано. В этом смысле Россия в восприятии правящих западных элит превращена в самый главный источник недовольства текущим миропорядком. Все зло должно быть сконцентрировано именно в ней. Нюанс лишь в том, что западные элиты неоднородны. Внутри западной коалиции все отчетливее просматривается не менее

пяти трактовок ситуации и, соответственно, виноватых и вариантов разрешения клубка противоречий. Но все оценки и виды на Россию наиболее русофобских кругов сделаны в формате «колоса на глиняных ногах». Тем же постулатом окормлялся европейский блицкриг 1941 года. Вместо вермахта подставлены ВСУ, но надежда на то, что «режим рухнет», осталась прежней. Как и цели стратегии. Только в случае «стратегического поражения» России могут окупиться понесенные затраты и напитаться «дух рванша». Хотя с учетом феноменальной и заразной коррупции киевского режима частные цели наиболее рьяных адептов «украинского проекта» наверняка давно достигнуты. Эта пошлая сторона украинской трагедии когда-то станет достоянием полноценной гласности.

Торжества по случаю 80-летия победы над Японией в Пекине создают уникальную площадку для обмена мнениями между лидерами центров силы современного мира. Общение лидеров ведущих государств с раскрытием аргументации за пределами «дискурса» — в любом случае шаг к лучшему пониманию. Таковой была Аляска: Трамп слушал Путина, и наоборот. И это был шаг к лучшему пониманию. Понимание — не гарантия ни мира, ни снятия санкций, ни прекращения военной поддержки Украины ее патронами. Подобных иллюзий нет ни у кого, как не было их и в феврале 1945 года в Ялте. Главное, что объединяло Сталина, Рузвельта и Черчилля, — не только «недовольство» общим противником и планирование его разгрома. Главное — это понимание того, какая и чья сила определит контуры будущего миропорядка. Сила та была военная, и превыше всех — Красная армия, ставшая к зиме 1945 года самой мощной армией мира. Это понимали все трое в Ялте, хотя понимание отличалось в нюансах, что открывало игровое пространство для сторон — для торга, для балансировки будущих компенсаций потерь и выигрышей. В этом понимании было в том числе желание скрыть какие-то аргументы, например, Манхэттенский проект, тогда еще не достигший фазы «аргумента». Или «сепаратные переговоры», которые скоро выльются в довольно острую полемику между Сталиным и Рузвельтом. Или совместная игра СССР и США на понижение колониального статуса Великобритании, или линия на практически полную поддержку Москвой всех инициатив США по мировым экономическим вопросам — Сталин прекрасно понимал, что на этом поле у СССР мощи и шансов мало, достаточно было отстоять относительно справедливое распределение репараций.

Это воспоминание о подлинных реалиях Ялты-1945 позволяет предположить возможность нового витка прогресса в урегулировании вопросов, исключительно важных для всего мира, но прежде всего — для трех мировых держав.

И сводятся они к «развязыванию рук» США, Китая и России для осуществления уже развернувшихся научно-технологических суперпроектов по освоению космического пространства, по овладению новыми источниками энергии, внедрению новых цифровых и биогенетических технологий, формированию нового типа общества. Все эти суперпроекты в каждой из трех столиц понимаются как сверхзначимые концепты цивилизационного уровня. Через призму этих перспектив миропорядок не видится совершенно иным, чем он есть, и совсем не в той плоскости, куда его заводят иллюзии нанесения поражения России или конфронтация с риском глобальной ядерной катастрофы.

Пекин — не Ялта. И 2025-й — не 1945-й. И Китай, и Россия сегодня иные. Только США до сих пор сполна пожинают плоды 1945 года. Россия умудрилась едва ли не полностью растратить капитал Ялты и теперь ощущает последствия этого факта практически по всему периметру своих границ и сфер. Китай в 1945 году не было в Ялте, в Совете Безопасности ООН эту страну представляла оппозирующая сила, и его еще ждали четыре года тяжелых внутренних распрей. Одно из следствий этих распрей — Тайвань. Но из трех держав именно Китай в глобальном измерении не сжался, а феноменально вырос.

Прямые аналогии относительно того, «кто есть кто» в новой «Ялте по-пекински», неуместны. Но «духи прошлого» создают «зависимость от пройденного пути». Если Европа в лице своих наиболее авантюристичных вождей решила «переписать» будущее, оглянувшись на свои почти век назад нереализованные планы, то подобный путь предстоит пройти и остальным участникам Истории. Так и выявляется, кто эпигон, кто жертва, кто субъект. А если «властители» запутываются в обстоятельствах, на которых выстраивается миропорядок, их сносят в небытие те, кто находится на самом настоящем, самом переднем крае фронта.

Битва за Украину — это, по существу, новый этап вековой битвы за Черное море, которая за три века начиналась четырежды: при Екатерине Великой, в Крымскую войну 1854–1855 годов, в Гражданскую войну с иностранной интервенцией Франции и Великобритании именно в эти зоны и в Великую Отечественную. Фундаментальные причины конфликтов в Черноморье, а попутно на Кавказе и в Средиземноморье, никуда не делись.

За Черноморьем тянется связь с ресурсной базой Кавказа, Ближнего и Среднего Востока. А далее — энергетика для демографических сверхдержав, логистика в Евразии и вокруг нее, вся экономика АТР с перемещением сюда эпицентра глобального роста. Все эти сюжеты придется распутывать еще долго. Лет двадцать...

■